

А.А. Потулов

**О заповедных дворянских
имениях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.А. Потулов**
О заповедных дворянских имениях / А.А. Потулов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 50 с.

ISBN 978-5-458-52323-3

Как писал известный поэт, после того как «распалась цепь великая» (было отменено крепостное право), один концом она ударила «по мужику», другим «по барину». Видя окончательное уничтожение былого значения дворянства кн.Мещерский предложил ввести заповедные (т.е. неделимые) имения, чтобы они стали основой сохранения дворянского сословия в России. Автор книги находит такое предложение бессмысленным и вредным, причем не для общества в целом, а для самих же дворян.

ISBN 978-5-458-52323-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Князь Мещерскій ссылается на Леплэ (Le Play), сочиненія котораго, сколько можно судить изъ брошюры князя Мещерскаго (Пояснительная записка № 2), онъ даже и не читалъ. Князь Мещерскій не только не предлагаетъ намъ никакого разбора теорій Леплэ, сдѣланнаго хотя бы съ чужихъ словъ, но даже не потрудился подробно изложить взгляды этого писателя. Князь Мещерскій просто-напросто выдернулъ нѣсколько фразъ изъ брошюры Деволэна (Devolins) „Le Play et son oeuvre de reforme social“ и затѣмъ уже отъ себя добавляетъ еще и то, что сказалъ бы Леплэ, еслибы прочелъ Пояснительную записку № 2.

Если сторонники недѣлимости указываютъ на Леплэ, я съ своей стороны сошлюсь на Адама Смита, осуждавшаго единонаслѣдіе. При этомъ я не намѣренъ обременять читателей цитатами изъ него, предоставляя любопытнымъ самимъ рыться въ его богатствѣ народовъ. Точно также я не стану дѣлать догадокъ о томъ, что сказалъ бы Адамъ Смитъ, еслибы прочелъ Пояснительную записку № 2.

Предоставивъ Адаму Смиту и его единомышленникамъ, предкамъ нашимъ, поражать болѣе сильнаго противника, Леплэ, самъ я попробую помѣряться силами съ княземъ Мещерскимъ въ толкованіи закона Петра Великаго.

Послушать кн. Мещерскаго, такъ подумаешь, будто Петръ Великій былъ очень озабоченъ поддержаніемъ блеска дворянскихъ родовъ. Еще не читая текста закона о единонаслѣдіи, плохо вѣришь увѣреніямъ кн. Мещерскаго на этотъ счетъ, потому что всѣмъ извѣстны какъ простота жизни самого государя, такъ и его склонность сблизаться съ людьми вовсе неродовитыми; достаточно указать на примѣръ супруги государя, императрицы Екатерины, и ближайшихъ его сотрудниковъ, князя

Меншикова, графа Миниха и барона Шафирова, чтобы убѣдиться въ томъ, что государь не очень-то интересовался родословными. Ознакомившись же съ текстомъ закона, какъ онъ изложенъ самимъ кн. Мещерскимъ въ Пояснительной запискѣ № 2, еще болѣе убѣждаешься въ неправильномъ толкованіи кн. Мещерскимъ закона.

Перечисляя вредъ, проистекающій отъ раздѣла между сонаслѣдниками недвижимыхъ имѣній, Петръ Великій на первомъ мѣстѣ ставитъ вредъ, причиняемый государственнымъ интересамъ, на второмъ — вредъ подданнымъ (т.-е. крестьянамъ, прикрѣпленнымъ къ землѣ); вреду же, причиняемому дворянскимъ родамъ и выражающемуся въ *самыхъ фамилій паденіи* отведено послѣднее мѣсто. Далѣе, въ законѣ приводится примѣръ того, что произойдетъ, если тысяча дворовъ, принадлежавшихъ одному помѣщику, будетъ, послѣ его смерти, раздѣлена между пятью его сыновьями. Но въ началѣ примѣра стоитъ въ заголовкѣ краснорѣчивое: „*То податяхъ*“ и во всемъ примѣрѣ чувствуется опасеніе за благосостояніе крестьянъ, какъ главной податной силы въ государствѣ: „*уже съ бѣдныхъ подданныхъ будетъ пять столовъ, а не одинъ, и двести дворовъ принуждены будутъ едва ли не тожь нести, какъ тысяча несла (а государственныя подати податями), отчего не разореніе ли суть людямъ и вредъ интересамъ государственнымъ?*“

Напротивъ, мы вовсе не замѣчаемъ сожалѣнія законодателя о томъ, что сыновьямъ не удастся жить, послѣ раздѣла, также ясно, какъ жилъ ихъ отецъ, а встрѣчаемъ только указаніе на то, что желаніе сыновей продолжать образъ жизни ихъ отца заставитъ ихъ больше требовать со своихъ крѣпостныхъ. Изъ приведеннаго примѣра законодатель выводитъ окончательное заключеніе,

что при единонаслѣдіи господинъ *можетъ лучше мло-тити подданныхъ, а не разорять.*

Прямимъ послѣдствіемъ Петровскаго закона является обезземеленіе большей части дворянства. Законодатель успокоиваетъ насчетъ ихъ судьбы; по его словамъ: „прочіе не будутъ праздно, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ. *И то все, что оныя сдѣлаютъ вновь для своего пропитанія, государственная польза есть...*

Итакъ законъ начинается и кончается указаніемъ на государственную пользу и государственный интересъ. Государственная польза и государственный интересъ являются постояннымъ припѣвомъ къ отдѣльнымъ частямъ закона. Объ людяхъ законъ заботится только постольку поскольку люди существуютъ для государства, какъ служилая или податная сила. Само собою разумѣется, что не всѣ обезземеленные дворяне оказались бы способными снискать себѣ хлѣбъ *службою, ученіемъ, торгами и прочимъ.* Такіе дворяне умерли бы съ голода. Законодатель не могъ не предвидѣть, что многіе падутъ жертвой его закона. Но возможность этихъ жертвъ не могла остановить Петра. Такъ полководецъ рѣшается на сраженіе, хотя знаетъ, что потеряетъ многихъ убитыми и ранеными.

Петру Великому пужны были деньги и люди для его преобразовательной дѣятельности. Значительная часть податнаго класса была крѣпостными помѣстнаго сословія, а сами помѣщики постоянно уклонялись отъ службы. Государю нужно было оградить податной классъ отъ разоренія помѣщиками и голодомъ заставить служить уклонявшихся отъ службы. Петръ Великій и издалъ свой законъ. Въ настоящее время, когда крестьяне свободны, благосостояніе ихъ не стоитъ ни въ какой зависимости отъ той или другой формы наслѣдованія дворянами въ

земельной собственности и государству нѣтъ надобности прибѣгать къ принудительному привлеченію людей на гражданскую службу. При новыхъ условіяхъ, прямо противоположныхъ тѣмъ, которыя существовали въ эпоху изданія закона о единонаслѣдіи, самъ авторъ этого закона можетъ быть признанъ бы его несвоевременность. Законъ, какъ извѣстно, просуществовалъ всего нѣсколько лѣтъ. Извѣстно также, что правомъ обращать свои имѣнія въ заповѣдныя, предоставленнымъ дворянамъ на основаніи ст. 395 т. X св. зак. воспользовалось, за все время существованія этого закона, только самое ничтожное число лицъ. Это ясно свидѣтельствуетъ въ пользу того, что единонаслѣдіе какъ было встарь, такъ и оставалось въ теченіе всего послѣдующаго времени не ко двору русскому обществу. Всѣми признана переимчивость Русскихъ. Подчиняясь волѣ царя, Русскіе отреклись отъ такихъ вещей, которыя казались завѣтами старины: женщины выпущены изъ теремовъ; армія и лица, принадлежащія къ высшему служилому классу, одѣлись въ нѣмецкое платье. Страсть къ подражанію западу доходила до того, что многіе, чисто русскіе люди, не умѣли говорить на родномъ языкѣ и говорили только на иностранныхъ языкахъ. А законъ о единонаслѣдіи, это дѣтище запада, не привился: къ живому тѣлу народа прививается только то, что само поситъ въ себѣ элементъ жизни.

Единонаслѣдіе является однимъ изъ признаковъ государственности. Въ западной Европѣ въ средніе вѣка, при феодальной системѣ, каждый землевладѣлецъ пользовался, въ большей или меньшей степени, правами государственной власти. Кромѣ того, при безсиліи въ то отдаленное время королевской власти, при правѣ вести частныя войны, дробленіе населенной земли между сонаслѣдниками, уменьшая, соотвѣтственно, и число вассаловъ cadaque.

ослабляло сонаслѣдниковъ, и ихъ уменьшившіеся участки легко могли быть поглощены болѣе могущественными сосѣдями.

Наша исторія сложилась совершенно иначе. У насъ даже удѣльные князья дѣлили свои удѣлы между всѣми сыновьями, давая старшему только болѣшую и лучшую часть, и какъ только княжество теряло свою независимость, такъ тотчасъ же уничтожалось и различіе въ доляхъ сыновей въ наслѣдственномъ имѣніи. Но если такъ было встарину, при гражданскомъ порядкѣ еще не вполне установившемся, то попытка Петра Великаго примѣнить къ наслѣдованію землею законы, выросшіе на чуждой для насъ почвѣ и при другихъ обстоятельствахъ времени, были явнымъ анахронизмомъ. При Петрѣ правительство было уже достаточно могущественно, чтобы защитить пользованіе какимъ угодно количествомъ десятинъ и никто не чувствовалъ потребности въ самозащитѣ. Когда причины, вызвавшія къ жизни и поддерживавшія какіе либо обычаи, уже перестали существовать, обычай можетъ сохраняться еще очень долго послѣ того, въ особенности, если сами эти причины существовали въ теченіе продолжительнаго періода. Корни дерева погибли, но старое дерево сплелось вѣтвями съ вѣтвями сосѣднихъ деревьевъ и стоитъ, поддержанное ими, а поверхностному наблюдателю можетъ казаться, что дерево стоитъ собственными силами; поверхностный наблюдатель не замѣчаетъ, что вѣтви дерева давно оголены отъ листьевъ и прикрыты листьями окружающихъ деревьевъ, которымъ трупъ стараго великана только мѣшаетъ расти. Намъ указываютъ на примѣръ современной западной Европы, гдѣ въ нѣкоторыхъ могущественныхъ и цвѣтущихъ государствахъ майораты существуютъ. Но однимъ такимъ указаніемъ ограничиться нельзя. Тотъ, кто думаетъ убѣдить насъ такимъ спосо-

бомъ, дѣлаетъ такую же ошибку, какъ еслибы сталъ утверждать, что вспыльчивость—прекрасное качество и въ доказательство сталъ бы указывать на такихъ-то и такихъ-то лицъ, отличающихся вспыльчивостью и вмѣстѣ съ тѣмъ пользующихся любовью всѣхъ своихъ знакомыхъ. Вспыльчивыхъ людей, разумѣется, можно любить, но только потому, что вспыльчивые люди могутъ обладать множествомъ положительныхъ качествъ, наприм. умомъ, добротой и т. д. Если любятъ вспыльчивыхъ, то ужъ конечно не за вспыльчивость, которую всѣ считаютъ недостаткомъ, и было бы лучше, еслибы лицо, надѣленное имъ, могло отъ него избавиться. Такъ и въ вопросѣ о единонаслѣдїи необходимо еще доказать, что государства, въ которыхъ оно существуетъ, процвѣтаютъ именно неагодаря ему. Между тѣмъ доказать это очень трудно, если не невозможно. Во всѣхъ государствахъ, гдѣ не существуетъ раздѣла земельной собственности между сонаслѣдниками, неизбѣжно устанавливается неравенство въ распредѣленїи земли между подданными государства. Отсюда легко рождается зависть однихъ классовъ къ другимъ, могущая довести, при извѣстныхъ условїяхъ, до кровавыхъ столкновенїй. Эти невыгодныя послѣдствїя недѣлимости могутъ значительно ослабляться наличностью въ государствѣ многочисленнаго класса фермеровъ, которые, при правильномъ отношенїи къ нимъ земельныхъ собственниковъ, являются суррогатомъ мелкаго землевладѣнїя. Кромѣ того, государство можетъ процвѣтать, не опасаясь никакихъ возмущенїй со стороны классовъ, лишенныхъ земли, еще благодаря тому, что классы эти могутъ найти выгодное примѣненїе своимъ способностямъ и удовлетворенїе своему честолюбію въ торговлѣ, промышленности или научныхъ занятїяхъ. Чѣмъ равномернѣе распредѣлено богатство между различными классами на-

рода, тѣмъ болѣе обезпечено мирное развитіе страны. Но равномерность недостижима на землѣ, а потому необходимо, чтобы имущества переходили какъ можно чаще изъ рукъ въ руки и чтобы препятствіемъ къ пріобрѣтенію имущества служилъ не законъ, а лѣнь или неумѣлость. Когда колесо счастья, вращаясь, повергаетъ богатыхъ въ бѣдность и возноситъ бѣдныхъ на высоту богатства, то обѣднѣвшіе богачи поддерживаютъ въ массѣ бѣдныхъ принципы собственности, а бѣдняки не чувствуютъ себя осужденными на безвыходное страданіе. Постоянный обмѣнъ личнаго состава между богатыми и бѣдными классами не даетъ развиваться чувствамъ зависти и вражды. Но изъ всѣхъ видовъ имущественнаго неравенства больше всего возбуждаетъ зависть неравенство въ обладаніи землей. Равнодушнѣе переносятъ накопленіе въ однихъ рукахъ громаднхъ денежныхъ капиталовъ, чѣмъ поземельной собственности: чтобы пріобрѣсти и сохранить капиталъ, нужны трудъ и искусство; если же земля недѣлима и неотчуждаема, то землевладѣніе обусловливается рожденіемъ. Тамъ, гдѣ неравенство въ обладаніи землей достигало наивысшей степени, какъ на примѣръ въ Римѣ при императорахъ, землевладѣльческое сословіе было поставлено въ постоянную необходимость кормить толпу и угождать ей зрѣлищами. Въ наше время въ Англіи, въ этой классической странѣ крупной земельной собственности, значеніе ландлордовъ падаетъ съ каждымъ годомъ: намъ постоянно приходится читать въ газетахъ о преніяхъ въ палатѣ общинъ и о законахъ, принятыхъ ею, и очень рѣдко о палатѣ пэровъ. Наконецъ, если не ошибаюсь, уже и въ Англіи поднимался вопросъ о выкупѣ фермерами арендуемыхъ ими участковъ. Петръ Великій, издавая законъ о единонаслѣдіи, руководствовался, какъ мы видѣли, вовсе не соображеніями объ

историческомъ прошломъ единонаслѣдія въ западной Европѣ. Онъ просто воспользовался готовой формой, способной, по его мнѣнію, удовлетворить потребностямъ времени. Дворяне, современные Петру Великому, легко могли воспользоваться предложенной законодателемъ формой для цѣлей совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которыми имѣлъ въ виду законодатель, подобно тому, какъ въ наше время пытается это сдѣлать кн. Мещерскій. Но для этого тогдашніе дворяне должны были обладать склонностью образовать землевладѣльческую аристократію. Между тѣмъ исторія доказала, что тогдашніе дворяне не дорожили величіемъ своего сословія. До Петра Великаго дворянство раздѣлялось на множество ступеней и между лицами, расположенными на крайнихъ ступеняхъ этой лѣстницы, было весьма мало общаго. Древность рода не принималась во вниманіе. Въ рядахъ низшаго дворянства встрѣчается много княжескихъ фамилій, потомковъ Рюрика, члены которыхъ никогда не достигали не только боярства, но и чина окольного. Наоборотъ, среди бояръ и въ думѣ, рядомъ съ князьями и представителями древнихъ боярскихъ родовъ, попадаются люди вовсе перодовитые. И между этими послѣдними и ихъ сановитыми товарищами было гораздо больше связи, чѣмъ между титулованными представителями высшаго и низшаго дворянства. Даже когда бояре мѣстничались между собою, они въ сущности спорили не о древности рода, а о томъ, чьи предки были старше по службѣ.

Я считаю излишнимъ входить въ разборъ того, правильно или ошибочно смотрѣли на дѣло наши предки, ходатайствуя объ отмѣнѣ Петровскаго закона, потому что теперешнее дворянство живетъ при совершенно иныхъ условіяхъ, и условія, въ которыхъ мы живемъ, могутъ заставить насъ признать своевременнымъ въ настоящее

время то, что было преждевременнымъ полтора ста лѣтъ тому назадъ.

Со времени отмѣны закона о единонаслѣдіи въ исторіи русскаго дворянства было два момента, рѣшительнымъ образомъ опредѣлившихъ современное намъ положеніе дворянства: мы говоримъ о жалованной грамотѣ и о всемъ царствованіи императрицы Екатерины II и объ освобожденіи крестьянъ.

Императоръ Петръ III и императрица Екатерина II, освободивъ дворянство отъ обязательной службы и давъ ему стройную организацію, превратили дворянство изъ тяглаго сословія, какимъ оно было прежде, изъ класса лицъ, пользовавшихся нѣкоторыми преимуществами въ возмездіе за исполненіе опредѣленныхъ обязанностей, въ родовую аристократію, пользующуюся привилегіями какъ бы по собственному праву. Въ этихъ государяхъ, родившихся внѣ предѣловъ Россіи, были еще сильны феодальные принципы, и потому самое пожалованіе приняло характеръ какъ бы предоставленія дворянству права, хотя и принадлежавшаго ему по рожденію, но которымъ оно до времени, по степени своего развитія, не могло пользоваться. Такое превращеніе, бывшее весьма выгоднымъ для дворянства, пока оно владѣло населенными имѣніями, оказалось гибельнымъ съ момента освобожденія крестьянъ, потому что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права оказались уничтоженными два существенные признака, отличавшіе дворянство отъ другихъ сословій. Правда, нѣкоторое правовое отличіе сохранилось еще въ особенностяхъ формъ дворянскаго самоуправленія и другихъ привилегіяхъ, но изъ этихъ послѣднихъ однѣ были невыгодны для дворянъ, какъ наприм. болѣе тяжкая кара за нѣкоторыя преступленія; другія же выгодныя, какъ напр. исключительное право поступленія въ ограниченное чи-

сло привилегированныхъ учебныхъ заведеній, были слишкомъ ничтожны. Во всякомъ случаѣ, признаки, отличавшіе дворянство отъ другихъ сословій, стали такъ мало замѣтны, что, естественно, многіе дворяне перестали придавать какое-либо значеніе принадлежности къ высшему сословію. Экономическія и соціальныя послѣдствія освобожденія крестьянъ были также громадны. Съ освобожденіемъ крестьянъ всѣ сословія получили возможность приобрѣтать землю, вслѣдствіе чего цѣны на землю поднялись. Дворянское сословіе хотя искони владѣло землей, но сельскіе хозяева изъ среды помѣщиковъ могли попадаться только въ видѣ исключеній: постоянно отвлекаемые отъ своихъ помѣстій и вотчинъ службою, дворяне, до закрѣпощенія крестьянъ, могли эксплуатировать свои земли, сдавая участки въ аренду свободнымъ людямъ. Въ то отдаленное время, когда земли было много, а населеніе было рѣдко и помѣщикъ не могъ быть вполне увѣренъ въ томъ, что у него всегда будетъ достаточное количество съемщиковъ, землевладѣніе не могло быть особенно привлекательнымъ, и, вѣроятно, многіе охотно бы согласились промѣнять помѣстье на жалованье, если бы тогдашнее правительство, по финансовымъ условіямъ, было въ состояніи платить его въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ. Позднѣе, въ началѣ существованія крѣпостнаго права, обработка земли, даже при помощи обязательнаго труда, была затруднительна, вслѣдствіе постоянныхъ побѣговъ крѣпостныхъ. При такихъ условіяхъ, когда, съ одной стороны, помѣщики постоянно отвлекались правительствомъ изъ своихъ помѣстій на службу, а съ другой стороны землевладѣніе не представляло особенныхъ выгодъ, у дворянъ не могло выработаться ни охоты, ни привычки къ сельскому хозяйству. И дѣйствительно, когда дворянство наконецъ было освобождено отъ службы и